

– За тем городком впереди уже будет город Цинпин. Переоденься, переночуй в городке, приведи себя в порядок, а завтра мы отправимся дальше, – сказал Гу Цзыцзю, протягивая И Чжэню одежду.

И Чжэнь безучастно принял комплект, успел развернуться и сделать пару шагов к лесу, прежде чем наконец понял смысл слов Гу Цзыцзю:

– С-старший брат Гу...

Гу Цзыцзю как раз снова доставал засахаренный боярышник, чтобы протянуть его Дуань Шаобо. Он не то чтобы проигнорировал И Чжэня – просто даже не посмотрел на него и лишь произнёс:

– Мм?

– Старший брат Гу, не могли бы вы дать мне немного серебра? – увидев, что Дуань Шаобо взял засахаренный боярышник, Гу Цзыцзю на этот раз протянул ему ещё и мешочек. И Чжэнь не стал брать мешочек, а с горечью прикусил губу: – Старший брат Гу, я не могу использовать истинную энергию.

Только тогда Гу Цзыцзю взглянул на него. Он вытащил из мешочка большой серебряный слиток и сжал его в ладони, превратив в россыпь мелких серебряных монет.

– Так подойдёт?

– Старший брат, я сам, – сказал Дуань Шаобо.

Он разжал руку, и засахаренный боярышник повис в воздухе. Затем достал из своего нефритового кулона для хранения пачку серебряных купюр павильона Равенства Сущего и протянул их И Чжэню:

– Хватит?

– Хватит, благодарю вас, старший брат Гу.

- Псих, - Гу Цзыцзю снова отвернул лицо. Благодарности он не принимал.

- Старший брат Гу, когда мы доберёмся до города Цинпин, вы больше не станете обо мне заботиться?

Гу Цзыцзю уже сейчас хотелось перестать о нём заботиться, однако, будучи членом секты Меча, он должен был выполнять свои обязанности:

- Пять мечевых талисманов всё ещё при тебе. Даже если ты рассеял культивацию, ты по-прежнему остаёшься учеником секты Меча.

- Старший брат Гу, вы неправильно меня поняли. Я не это имел в виду... Я хотел спросить: вы обязательно должны проводить меня до самого дома?

- Это необязательно, - покачал головой Гу Цзыцзю. - Доведём тебя до городских ворот, а дальше разойдёмся каждый своей дорогой.

И Чжэнь тут же с облегчением выдохнул:

- Тогда благодарю вас, старший брат Гу.

Когда посторонний наконец ушёл, Гу Цзыцзю достал ещё один небольшой мешочек и молча протянул его Дуань Шаобо.

- Старший брат?

- Это моя оплошность. В дороге всегда нужны деньги. Обычных денег я тебе не дам - они тебе ни к чему. А духовные камни возьми.

Гу Цзыцзю не удивился тому, что у Дуань Шаобо имелись смертные деньги: секта Меча не запрещала своим ученикам поддерживать связь с родными в мире смертных. Все эти годы Дуань Шаобо часто отправлял домой разные вещи, а семья, в свою очередь, постоянно присылала ему посылки. Серебра там, разумеется, тоже хватало.

– Старший брат, у меня есть. Перед отъездом наставник дал, да и сам я за эти годы много заработал.

– Наставник дал? И сколько он мог тебе дать? – Гу Цзыцзю вскинул бровь. – Этот старый скупердяй... Когда я покидал секту Меча, он выдал мне всего сто духовных камней низшего качества, а потом ещё сказал: если мало, даст ещё сто.

– С-сотню?! Наставник... – Дуань Шаобо был потрясён. Его и без того большие глаза распахнулись ещё шире, а в тёмных зрачках застыло такое выражение, что Гу Цзыцзю невольно придвинулся к нему на полшага.

Он облизнул губы. Такой красивый... Хочу поцеловать...

– А сколько наставник дал тебе?

– Пять... пятьдесят тысяч духовных камней среднего качества... – голос Дуань Шаобо был едва слышен, словно писк комара. Неудивительно, что, когда наставник тайком сунул ему духовные камни, у него был такой вид, будто он совершает кражу. – Наверное, это наставник дал нам со старшим братом.

– Ладно.

Гу Цзыцзю достал засахаренный боярышник. Ярко-красные плоды, покрытые блестящей сахарной глазурью, коснулись края алых губ Дуань Шаобо. Гу Цзыцзю неотрывно смотрел на этот весенний румянец и не мог отвести глаз.

– Этот старый скупердяй наконец-то проявил щедрость. Так и должно быть. Младший соученик, ешь засахаренный боярышник.

– Старший брат...

Увидев, что Гу Цзыцзю и в самом деле не рассердился, Дуань Шаобо понял: тот достал

сладость, чтобы его успокоить и утешить. Он принял засахаренный боярышник. Уже неизвестно в который раз ему хотелось сказать, что он давно вырос и больше не ест такие вещи, но всё же...

Дуань Шаобо высунул язык и лизнул сахарную глазурь на плодах. Гу Цзыцзю, глядя на него, невольно улыбнулся.

В ответ Гу Цзыцзю спокойно улыбнулся, однако в действительности у него в голове уже сплошной строкой мелькало: Какой милый розовый язычок, хочу попробовать его вкус! Хочу! Хочу! Хочу!

[Не стоило мне выбирать его своим младшим соучеником. Он слишком прекрасен. Это ощущение, будто сердце растаяло, невозможно описать словами.]

[Э-э... хозяин, а ты можешь объяснить, что именно в твоём младшем соученике такого прекрасного?]

[А что в нём не прекрасно? Это у тебя со вкусом проблемы.]

[QAQ] Так у кого из нас проблемы со вкусом?! Твой младший соученик с головы до ног разве что глазами чуть больше обычного! И не сказать, что они особенно большие, не те сияющие глаза, от которых так и хлещет духовной энергией. Обычные вытянутые овалы, к тому же взгляд тусклый. В лучшем случае – просто миловидный и элегантный, ясно?!

Через некоторое время вернулся И Чжэнь. Увидев, что Дуань Шаобо снова ест засахаренный боярышник, он холодно фыркнул.

Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо уже окончательно не желали обращать на него внимание. Вскоре трое вошли в городок, нашли обычную гостиницу и переночевали. Однако двум бессмертным сон был не нужен, а И Чжэнь всю ночь ворочался без сна.

На рассвете снаружи уже ждала карета, которую Гу Цзыцзю велел нанять в гостинице накануне вечером. И Чжэнь сам забрался внутрь. Гу Цзыцзю достал давно не использовавшегося деревянного цилиня, первым оседлал его, а затем обернулся к Дуань Шаобо и поманил рукой~

В мире смертных практики низших ступеней встречались на самом деле нередко.

Но трое столь красивых людей всё равно сразу бросались в глаза. Стоило им выйти из гостиницы, как смертные начали глазеть на них. А когда внезапно появился деревянный цилинь, вокруг раздались один возглас изумления за другим. Теперь же этот прекрасный практик, уже сидевший впереди на цилине, обернулся и улыбнулся – и неизвестно сколько людей застыло, не в силах отвести взгляд.

У Дуань Шаобо был собственный деревянный цилинь, но сейчас Гу Цзыцзю пристально смотрел на него, протягивая руку...

Отказать было невозможно. Дуань Шаобо даже забыл, что мог лёгким прыжком взлететь на спину деревянного цилиндя самостоятельно. Он тоже протянул руку, ухватился за ладонь Гу Цзыцзю, позволил ему потянуть себя вверх, а затем, ступая по узорам на деревянном цилине, сел позади Гу Цзыцзю.

Но Гу Цзыцзю всё ещё не отпускал его руку. Он направил её вперёд и положил себе на талию:

– Держись крепче, не упали.

– ...

Он был практиком стадии Золотого ядра, к тому же деревянный цилинь бежал плавно – как же он мог упасть? Но Дуань Шаобо всё равно послушно ответил и так и остался сидеть за спиной Гу Цзыцзю, не двигаясь.

Трое добрались до города Цинпин. И Чжэнь спустился с кареты, сложил руки в приветствии и больше не сказал ни слова. Развернувшись, он один направился прочь.

Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо тоже ничего не сказали. Они никогда не были особенно близки, а теперь окончательно разошлись в разные стороны: мост – мост, дорога – дорога.

Они некоторое время постояли на месте, но вовсе не предавались печали из-за расставания. Дуань Шаобо смотрел на Гу Цзыцзю, Гу Цзыцзю смотрел на Дуань Шаобо – оба ждали, кто

первым примет решение.

- Ты здесь хозяин, я последую за тобой, – первым заговорил Гу Цзыцзю.

- Хорошо.

В другом месте Дуань Шаобо ещё стал бы отказываться, но теперь без лишних слов согласился.

Гу Цзыцзю увидел, как Дуань Шаобо поднял голову и сперва оглядел маленький городок спереди, сзади и по сторонам. По сравнению с прошлым город Цинпин действительно немного разросся. Ведь секта Меча регулярно приезжала сюда выбирать учеников, и некоторые семьи, почуяв выгоду, перебрались сюда. Однако общая атмосфера города не изменилась: по-прежнему пёстрая, но тёплая и уютная. Это был провинциальный городок, где смертные могли спокойно жить, работать и наслаждаться миром.

Дуань Шаобо двинулся вперёд. Похоже, он знал, где находится его дом.

Гу Цзыцзю последовал за ним. Они шли один впереди, другой сзади, пересекли город от западных ворот до восточных, и тут Дуань Шаобо внезапно сложил печать искусства сокрытия следов, скрыв присутствие их обоих. После этого он продолжил идти вперёд и остановился у ворот большого дома, над которыми висела табличка «Резиденция Дуань».

На вид он просто тупо уставился на ворота, но на самом деле каждый человек внутри этого большого дома находился в пределах, доступных его божественному сознанию.

Гу Цзыцзю не стал исследовать резиденцию Дуань своим божественным сознанием. Это было не какое-то постороннее место, а дом Дуань Шаобо, где жили его родные.

Так они простояли на месте полчаса. Вдруг Дуань Шаобо моргнул:

- Старший брат, теперь я могу последовать за тобой.

- Мм? Ты не войдёшь?

- Нет. С ними всё хорошо, и... это место больше не мой дом. Родителей уже нет, старшие братья и сёстры, конечно, ещё живы, но теперь они уже в том возрасте, когда сами становятся дедушками и бабушками. Я их младший брат, а кроме того - бессмертный. Что же до младшего поколения, я даже ни с кем из них не знаком, - Дуань Шаобо глубоко вдохнул. - Теперь я немного понимаю И Чжэня, поэтому и был готов уступить ему и помочь. Хорошо, старший брат. Теперь я весь твой.

Гу Цзыцзю с трудом сглотнул:

- Хорошо. Тогда сначала направимся на юг. Ты ведь ещё не видел моря?

[Системный помощник, ты можешь записывать звук?]

[Чего?]

[Вот последнюю фразу: «Ста-а-арший брат~ теперь~ я весь твой~~». Можешь повторить, чтобы я послушал?]

Системный помощник решил, что у его хозяина проблемы не только со вкусом, но и со слухом. Младший брат-белый кролик говорил совершенно нормально, ясно? Как же, передразнивая его, можно было умудриться сделать голос настолько странно извивающимся?

[Хозяин, твой младший брат столько всего сказал, а тебе нужна только последняя фраза?]

[А что он говорил до этого?]

[...]

Каждый день хозяин обновлял его представление о том, каким мерзавцем можно быть.

Системный помощник заявлял: хе-хе, этот парень всё равно рано или поздно не выдержит → _ →
Оставалось только посмотреть, когда он окончательно раскроет свою козлиную сущность.

А «окончательно стать мерзавцем», разумеется, означало съесть и облизать маленького белого кролика до последней крошки. Эти двое отправились странствовать: одинокий мужчина и ещё один одинокий мужчина, путешествующие повсюду. К тому же младший брат-белый кролик, судя по всему, был вовсе не против. Неужели всего через десять дней – от силы через полмесяца – Гу Цзыцзю уже начнёт придумывать восемнадцать способов приготовить крольчатину: тушёного в красном соусе кролика, кролика на пару, кролика, быстро обжаренного на сильном огне, кролика, политого раскалённым маслом, и так далее?

Но системный помощник ошибся. Как бы Гу Цзыцзю ни пробовал на словах и руками нежный «кроличий тофу», он всё же держался определённой грани и не переходил к последнему шагу. Так продолжалось почти сто пятьдесят лет – пока они в третий раз не вернулись в секту Меча и не согласились отправиться в секту Бурных Волн, чтобы принять участие в праздновании тысячелетия со дня рождения нынешнего главы секты Бурных Волн.

<http://bllate.org/book/19889/1985370>